

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47)

СУДЬБА КРУПНЫХ РОССИЙСКИХ ЧАСТНЫХ КАПИТАЛОВ ЗА РУБЕЖОМ В 1920-НАЧАЛЕ 1930-Х ГОДОВ

М. К. Шацлло

Российская академия наук,
Институт российской истории,
Центр изучения истории России XIX века, Москва

В статье рассматривается состояние частных русских капиталов, находившихся после 1917 г. за пределами России. Выделяется несколько групп торгово-промышленных и финансовых обществ, располагавших значительными средствами. Проанализированы причины сужения круга лиц, обладавших правами на распоряжение капиталами к началу 1930-х гг.

Ключевые слова: российское предпринимательство, частные капиталы, эмиграция.

В России на протяжении двух последних десятилетий наблюдается всплеск интереса к теме русского зарубежья, в том числе и судьбе российского предпринимательства в эмиграции. Специалисты по-разному определяют предмет исследования. Одни склоняются к изучению истории предприятий и династий, пользовавшихся признанной репутацией в дореволюционной России¹. Другие дополняют исследование старых дореволюционных структур рассмотрением мелкого бизнеса в эмиграции (сферы обслуживания, агробизнеса и т. п.), зачастую становившегося вынужденным занятием самых широких слоёв эмиграции, в т. ч. и не имевших никакого отношения к торгово-промышленной деятельности в Российской империи². И наконец, некоторые авторы относят к русской предпринимательской деятельности за рубежом все виды деловой активности, в том числе противозаконные (мелкие аферы, спекуляции, контрабандные операции, совер-

¹ *Ананьич Б. В.* Из воспоминаний М. М. Рябушинского «Смутные годы. Хроника. Москва – Юг России. Декабрь 1917 – май 1919» // Английская набережная, 4. СПб., 2004. Вып. 4; *Беляев С. Г.* Русско-азиатский банк в эмиграции. 1918–1928 гг. // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди: сб. ст. в честь Б. В. Ананьича. СПб., 2003; *Петров Ю. А.* Династия Рябушинских. М., 1997.

² *Грибенчикова О. А.* Российское предпринимательство в эмиграции (1918–1929): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1997; *Ипполитов С. С.* Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М., 2004; *Ипполитов С. С., Неодбаевский В. М., Руденцова Ю. И.* Три столицы изгнания: Константинополь, Берлин, Париж: Центры зарубежной России 1920-х – 1930-х гг. М., 1999; *Серегина Д. М.* Российская торгово-промышленная эмиграция во Франции в 1920 – 1939 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2005.

шаемые чиновниками и недобросовестными коммерсантами, расхищение российских государственных финансовых средств и имуществ, находившихся за рубежом, и проч.)³. В данной статье предполагается рассмотрение того сегмента делового мира в эмиграции 1920-х – начала 1930-х гг., который представлял крупный бизнес старой России.

После окончания Гражданской войны немало деловых людей покинуло Россию. Они не только проживали, но и занимались предпринимательством за границей, находясь как бы в пределах правового поля старой России: посольства и консульства оставались единственными институтами, которые представляли интересы граждан империи. Даже после признания Западом Советской России, и особенно в начальный период эмиграции, крупные предприниматели сумели сохранить, а в определённом смысле и развить, не только подавлявшиеся на Родине национальные духовные ценности, но и в ряде случаев систему корпоративных представлений. В первые годы изгнания представители торгово-промышленной и финансовой буржуазии ещё не утратили своей социальной аутентичности, что выразилось в формировании в странах Европы предпринимательских ассоциаций и в создании за рубежом единой представительной организации – Торгпрома⁴.

Точное число эмигрантов-предпринимателей установить сложно. Однако можно предположить, что их удельный вес был достаточно высок⁵, в первую очередь среди крупных «буржуа». Косвенным подтверждением этого могут служить данные, касающиеся послереволюционного местопребывания акционеров и руководителей Московского купеческого банка. К концу 1925 г., по словам одного из акционеров банка, «значительная часть пайщиков (более трёх четвертей) оставалась в России»⁶ (в январе 1917 г. был зафиксирован 531 пайщик). В то же время половина руководителей оказалась за пределами бывшей Российской империи: из четырёх членов правления дореволюционного состава, оставшихся в живых, трое проживало за границей, один – в Москве; из 19 членов совета шестеро умерло, семеро находи-

³³ Подобная широкая трактовка русского зарубежного предпринимательства продемонстрирована в статье под характерным названием «Предприниматели и аферисты», помещенном в сборнике «Русские без отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов» (М.: РГГУ, 2000).

⁴ См.: Шаццлло М. К. Объединение Торгпром: лебединая песня российского торгово-промышленного представительства в эмиграции // Науч. ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. 2008. № 5 (45). Вып. 7. С. 103–109; *Его же*. Эмигрантские организации российских предпринимателей в Европе в 1920-е гг. // Вестник Тамб. ун-та. Сер.: «Гуманитарные науки». 2012. Вып. 8 (112). С. 31–37.

⁵ Согласно данным немецкого исследователя, анализировавшего состав русских эмигрантов в Германии, коммерсанты, банковские служащие, подрядчики наряду с представителями свободных профессий и интеллигенцией, составляли подавляющее большинство беженцев, осевших в этой стране (*Volkman H.-E. Die russische emigration in Deutschland 1919–1929. Würzburg, 1966. S. 4–7.*)

⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 5885. Оп. 1. Д. 2. С. 338.

лось в Москве, шестеро – в Европе⁷. О том, что бóльшая часть деловой элиты России после событий 1917 г. покинула страну, свидетельствует и то, как сложилась судьба лидеров Всероссийского союза торговли и промышленности (Протосоюза) – одного из авторитетных общенациональных объединений предпринимателей, созданного весной 1917 г. Председатель этой организации П. П. Рябушинский и его заместитель С. Н. Третьяков обосновались во Франции. Из 29 членов совета Протосоюза, избранных на Первом торгово-промышленном съезде в марте 1917 г., к началу 1926 г. в живых осталось 24 человека, из которых 10 проживало в СССР, 14 находилось за границей (9 – во Франции, по 1 – в Бельгии, Германии, Соединённых Штатах, Швейцарии и Югославии)⁸.

Оказавшиеся в изгнании представители российского предпринимательства изначально находились в лучшем, по сравнению с другими беженцами, материальном положении. Некоторые обеспеченные подданные Российской империи ещё до Первой мировой войны переводили свои накопления на счета западных банков или покупали недвижимые имущества в «престижных» районах Европы, прежде всего на юге Франции⁹. Несмотря на то что трансферт из России после 1914 г. был практически невозможен, немногочисленным счастливицам удалось спасти часть своих средств уже в условиях революционного 1917 г. и Гражданской войны.

Однако относительно хорошим (до определённой поры) материальным достатком многие российские эмигранты из числа предпринимателей были обязаны другому важному обстоятельству, как считал прекрасно информированный П. А. Бурьшкин. Этот представитель известной московской предпринимательской династии, автор известной книги «Москва купеческая» (Нью-Йорк, 1954), работал юрисконсультom на нескольких эмигрантских предприятиях (Товарищество Воскресенской мануфактуры, страховое общество «Север» и др.). Ему удалось собрать и сохранить уникальные документы о деятельности русских заведений за границей¹⁰ и написать диссертацию, посвящённую юридическим аспектам функционирования русских обществ за границей, которая была защищена на факультете права парижской Сорбонны (Paul A. Bouryckine (Docteur en droit). *Les Sociétés Russes Nationalisées et l'influence du probleme sur la doctrine*. Paris, 1944).

⁷ Национальный Архив Франции (Archives nationales de la France, далее – ANF). 8 AS/176.(Memorandum. The Moscow Merchant's Bank in Russia and Abroad. Part 1. General position and Activity in Russia). P. 3.

⁸ ГА РФ. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 2. С. 338.

⁹ Так, например, четыре члена эмигрантской организации Торгпром – Г. С. Золотарев, Я. А. Кузнецов, П. П. Семенюк, А. С. Чудинов – в середине двадцатых годов проживали на собственных виллах в Ницце (ANF. 8 AS/4. Отчет о деятельности нефтяной секции за 1927 г.), недвижимость в Ницце также имела в собственности семей Высоцких и Красильщиковых.

¹⁰ Представляющий значительный научный интерес личный архив П. А. Бурьшкина оказался расплывлённым и в отложился нескольких коллекциях. В настоящее время он хранится в фондах Национального Архива Франции, а также в нескольких фондах знаменитой «Пражской коллекции» ГА РФ.

Главной причиной особого положения бывших крупных предпринимателей в среде русского беженства и залогом потенциального финансового благополучия стало то, что за рубежом, вне пределов действия декретов советской власти о национализации и конфискации, оказались фонды финансовых и торгово-промышленных предприятий. Величина их капиталов, хранившихся на Западе, по оценке Бурьшкина, составляла от полутора до двух миллиардов франков¹¹. Всю совокупность русских заведений за границей можно разделить на несколько категорий.

К первой группе относились те акционерные общества, которые являлись русскими только по форме организации. По существу, это были иностранные компании, которые приняли форму русских обществ для облегчения их функционирования в России. Число их превышало семь сотен, т. е. составляло почти одну треть всех акционерных компаний Российской империи. Это были предприятия различного профиля: угольные и металлургические, основанные французами и бельгийцами; нефтяные, учреждённые англичанами; химические, основанные немцами. Они действовали по уставам, утверждённым царским правительством, поле их деятельности находилось в России, но капиталы обществ имели иностранное происхождение. Предприятия контролировалась из-за границы; члены правлений, представители директорского корпуса, многие технические сотрудники были как русскими подданными, так и гражданами европейских стран. Такого рода русские акционерные общества располагали значительными средствами за границей, и события в России не отразились на свободе действий администрации, тем более что присутствие за рубежом большинства акционеров, представлявших интересы собственников предприятия, имело важные юридические последствия. Таким образом, адаптация русских по форме обществ к новым условиям не представляла труда. Проблема заключалась в том, что они были основаны для работы в России, а фонды, которыми владели, оказались недостаточны для организации новых крупных заведений.

Вторая группа русских предприятий за границей – иностранные филиалы обществ, контролировавшиеся отечественным капиталом. Наибольший интерес в этом сегменте представляли финансовые учреждения. Филиалы банков располагались в Париже (Волжско-Камский, Русско-Азиатский, Русский для внешней торговли, Русский Торгово-промышленный, Санкт-Петербургский Международный коммерческий, Соединённый (Москва)) и Лондоне (Русско-Азиатский, Русско-Английский, Русский для внешней торговли, Русский Торгово-промышленный). Кроме того, многочисленные филиалы Русско-Азиатского, Русского для внешней торговли, Сибирского торгового банков находились в Японии, Китае и Манчжурии.

¹¹ ANF. 8 AS/177. Les Societes Russes... P. 217–220. Речь в данном случае о частно-владельческих предприятиях. О величине «казённых» русских средств и их судьбе см.: Будницкий О. В. Дипломаты и деньги. Статья первая: «Колчаковское золото» // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб, 2002. Вып. IV. С. 457–508; *Его же*. Дипломаты и деньги. Статья вторая: Национальный фонд // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб, 2003. Вып. V. С. 283–332.

Русские страховые компании также имели многочисленные филиалы в Соединённых Штатах и Англии. Согласно законам этих стран, каждая иностранная компания, которая предполагала действовать в сфере страхования, должна была для обеспечения своих операций располагать значительными депозитами и иметь соответствующий административный аппарат. Поэтому русские страховые общества, порвавшие связь с Россией, существовали в США и Британии как автономные финансовые институты. После революции, когда связи между центральными учреждениями и филиалами были прерваны, в системе русского страхования за границей, казалось, ничего не изменилось. В Англии и Соединённых Штатах филиалы функционировали на основании контрактов, заключённых до 1917 г. Такая ситуация в Англии продолжалась до 1921 г., а деятельность страховых обществ в США, по словам П. А. Бурьшкина, «представляла одну из наиболее забавных страниц предпринимательской активности русских за границей после революции». По сообщению суперинтенданта Департамента страхования Штата Нью-Йорк, опубликованного в 1920 г., в 1919 г. действовало 9 русских страховых обществ с общим капиталом почти 30 млн долларов: «Россия» (Петербург) (8,8 млн \$), «Саламандра» (Петербург) (4,2 млн \$), «Якорь» (Москва) (4 млн \$), «Московит» (Москва) (3,2 млн \$), «Первое Русское» (Петербург) (2,7 млн \$), «Русское Перестрахования» (Петербург) (2,5 млн \$), «Второе Русское» (Петербург) (1,8 млн \$), «Северное Московское» (Москва) (1,4 млн \$), «Варшава» (Варшава-Киев) (1,1 млн \$)¹². 30 млн долларов, принадлежащие этим обществам, связанным с американскими страховыми компаниями перестраховочными договорами, играли столь значительную роль на рынке Нью-Йорка, что безболезненно изъять из него российские капиталы не представлялось возможным. На этом основании страховой суперинтендант, несмотря на большевистские декреты о национализации, признал законное существование русских компаний. В 1922 г. он сделал статс-секретарю Юзу запрос о правомерности своих действий и получил ответ, что ввиду непризнания советской власти можно игнорировать её декреты и русские общества могут продолжать свою деятельность. Такое положение сохранялось до ноября 1925 г., когда американские власти приняли решение о ликвидации задолженности русских компаний американским кредиторам. После этого судьба оставшихся крупных капиталов стала предметом долгих судебных разбирательств. Тяжба длилась с переменным успехом, однако вплоть до начала 1930-х гг. исход дел решался в целом в пользу русских обществ, правления которых могли распоряжаться своими капиталами¹³.

Что касается промышленных предприятий, то они редко имели филиалы за границей, экспорт продукции, как правило, осуществлялся иностранными посредниками. Торговые заведения (текстильные, зерновые, кожевенные и пр.) также редко имели заграничные отделения, поскольку

¹² ANF. 8 AS/177. Les Societes Russes... С. 220.

¹³ ANF. 8 AS/179. Протокол заседания совета Российского торгово-промышленного и финансового союза от 13 мая 1931 г., Париж. С. 1–3.

ориентировались на внутренний рынок и не занимались экспортно-импортными операциями. Единственное исключение составляли компании, занятые торговлей чаем. Внутренний российский рынок поглощал значительное количество этого продукта, выращивавшегося в Китае, Индии, на Цейлоне, что вынуждало торговцев иметь капиталы на своих счетах в местах производства, а также открывать филиалы, занимавшиеся закупками в главном центре мировой чайной торговли – Лондоне. В результате в 1920-е гг. успешно продолжили свою деятельность оптовая фирма по торговле сахаром и кофе «Василий Перлов с сыновьями», товарищество чайной торговли «В. Высоцкий и К°», товарищество чайной торговли «П. М. Кузьмичев с сыновьями». Последнее предприятие функционировало во Франции до начала 1970-х гг., успев отметить там столетний юбилей, а фирма Высоцких, перебравшаяся накануне Второй мировой войны из Европы в Израиль, существует до нашего времени (более того, правопреемница торгового дела израильская компания «Wissotzky Tea» в 2005 г. вернулась на российский рынок, открыв своё торговое представительство в России).

Третью группу составляли те общества, которые, не имея филиалов за границей, располагали значительными средствами, хранящимися в европейских банках. Данные капиталы были размещены на Западе до революции и предназначались на закупку сырья и оборудования, поступление которых в Россию было сорвано после начала мировой войны. Величина этих финансовых средств была очень велика: только члены Всероссийского Общества суконных фабрикантов до Первой мировой войны ежегодно закупали в Англии шерсти и шерстяной пряжи на сумму в 3 миллиона фунтов стерлингов¹⁴. В том случае, если за границей находились представители фирм или члены правлений компаний, владельцы могли вступить в распоряжение своими средствами, чем не преминули воспользоваться некоторые деловые кланы. Так, к началу Октябрьской революции 1917 г. на счетах «Товарищества Владимира Алексеева» в Лондонских банках числилось свыше 700 000 фунтов стерлингов, переведённых московскими суконными фабрикантами для закупки шерсти. Только в 1919 г. Правление Товарищества удовлетворило требования ряда пайщиков и владельцев переведённой валюты, передав им около 400.000 фунтов стерлингов¹⁵.

И наконец, особую группу российских предпринимателей, чьё материальное положение в эмиграции было самым стабильным, составляли нефтяные магнаты, которым удалось получить от крупных западных компаний значительные средства за передачу им прав на будущие разработки нефтяных месторождений и предприятий, уже национализированных советской властью. В 1920 г. крупнейшая российская нефтяная корпорация Нобеля заключила сделку с американским трестом «Стандард ойл К⁰ оф Нью Джерси» по продаже своих акций, а предприятия Манташева, Лианозова, Гукасова и Цатурова были куплены англо-голландским нефтяным

¹⁴ ANF. 8 AS/64. Протокол первого Общего Собрания Общества защиты интересов суконных и шерстяных фабрикантов» от 02.06.1933. С. 3.

¹⁵ Там же. С. 5.

трестом «Ройял Датч Шелл К⁰»¹⁶. Впоследствии круг нефтяных магнатов, получивших компенсацию за утраченную собственность, несколько увеличился. В сентябре 1922 г. в Париже крупные западные нефтяные фирмы и представители российских нефтяных компаний заключили соглашение, которое подтверждало имущественные права предприятий, национализированных советской властью, провозглашало требование возврата промыслов прежним владельцам и объявляло о недопустимости заключения концессий в Советской России. В 1924 г. две крупнейших компании – традиционные конкуренты «Роял Датч Шелл» и «Стандард Ойл Компани» – объявили о создании совместной организации для закупки советской нефти. При этом оговаривалась необходимость при операциях с «русской нефтью» за границей компенсировать владельцам национализированных нефтепромыслов убытки путём отчисления с покупной цены 5 %¹⁷.

Если в первые годы эмиграции крупные предприниматели чувствовали себя относительно спокойно, рассчитывая на законных основаниях вступить в распоряжение своими средствами, то с начала 1920-х гг., в преддверии признания Советской России странами Запада, ситуация стала меняться. Бывшие российские предприятия стали менять свой юридический статус, пытаясь трансформироваться в общества, действующие по законам страны пребывания. Так, часть отделений бывших российских банков, открытых во Франции в 1921–1923 гг. была трансформирована во французские кредитные учреждения: Русский банк для внешней торговли стал «Банк женераль пур ля коммерс этранже», Петроградский международный коммерческий банк превратился в «Банк интернациональ де коммерс», Московский объединённый банк принял название «Банк франсэз де ль'юнион»¹⁸. Вплоть до конца 1924 г. прежний статус сохраняли только два банка: Русско-Азиатский и Торгово-промышленный¹⁹. Авуары большинства фирм с преобладанием русских капиталов были заморожены, и начались юридические процессы ликвидации, которые длились достаточно продолжительное время и в различных государствах имели свои особенности.

На заседании Торгпрома 7 мая 1930 г. П. А. Бурьшкин выступил с докладом «Положение русских обществ за границей и новейшая судебная практика по русским делам». По его словам, самая неблагоприятная для русских предприятий практика сложилась в так называемых лимитрофах – Польше и странах Прибалтики. Сначала отношение к ним было неопределённое, а деятельность самих обществ сосредотачивалась на охране имущества. Во второй половине 20-х гг. русские заведения, если они только не были реформированы по местным законам, ликвидировались принудительным порядком, причём оставшиеся после этого денежные средства направлялись на удовлетворение потребностей почти исключительно гра-

¹⁶ Фурсенко А. А. Нефтяные войны. Л., 1985. С. 176.

¹⁷ Соколов А. К. Советский «Нефтесиндикат» на внутреннем и международных рынках в 1920-е гг. // Экономическая история. Обзорение. М., 2005. Вып. 10. С. 122–124.

¹⁸ Борисов Ю. В. Советско-французские отношения (1924–1945 гг.). М., 1964. С. 50–51.

¹⁹ ANF. F\7\20\ 13493. 4967. 3 декабря 1924.

ждан лимитрофных государств. В Швейцарии правовое положение русских обществ также было незавидным, поскольку суды, признавая действие декретов Советской власти о национализации, объявляли их недееспособными. В Германии, где после начала Первой мировой войны русских предприятий почти не осталось, несмотря на установившиеся тесные отношения правительства с большевистской Россией, решения судов не были однозначными. Если сначала судебная практика исходила из того, что социализация отдельных отраслей народного хозяйства не противоречит публичному праву, то в середине 1920-х гг. некоторые суды отказывались признавать действие советских декретов за границей²⁰.

Значительно лучше было положение эмигрантов-предпринимателей в Англии, Франции и США. В Англии отношение к русским собственникам также не было однозначным и менялось в зависимости от факта признания Советской власти. Кроме того, достаточно часто встречались противоположные решения, в зависимости от уровня судебной инстанции. Так, бывали случаи, когда суды нижней инстанции признавали русские общества недееспособными, а Палата Лордов исходила из того, что советские декреты о национализации не прекращают их существования вне территории России. Во французской судебной практике различались два периода – до и после признания Советской власти. Вначале полностью отвергалось значение советского законодательства и русские общества продолжали свое существование. Затем подход несколько изменился, оставшись тем не менее неприемлемым для большевиков, обращавшихся к французской стороне с финансово-экономическими претензиями. Принципиально национализация французами не отвергалась, однако она должна была сопровождаться компенсацией лицам, права которых нарушались. Поскольку национализация без компенсации признавалась противоречащей нормам публичного порядка, русские общества должны были признаваться, в случае их фактического существования на территории Франции, легально существующими. Что касается американской судебной практики, то она исходила из того, что непризнание правительством страны большевистской власти являлось препятствием к применению в Соединённых Штатах советского законодательства. Подобный мотив был обычен для американской стороны, которой часто приходилось иметь дело с революционными правительствами южных республик, не признанных Америкой²¹.

В итоге, по словам П. А. Бурьшкина, «если на рубеже 20-30-х годов общий вопрос о существовании русских предприятий за границей после декрета о национализации ещё не получил окончательного разрешения, то юридическая доктрина в целом была настроена к русским обществам отрицательно»²². Из-за неопределённости юридического положения русских

²⁰ ANF. 8 AS/6. (Déclaration et actes de l'Association). Протокол заседания Совета российского Торгово-Промышленного и финансового союза от 7 мая 1930. Доклад П. А. Бурьшкина «Положение русских обществ за границей и новейшая судебная практика по русским делам». С. 1.

²¹ Ibid. С. 2–3.

²² Ibid. С. 6.

акционерных обществ в эмиграции некоторым их правлениям удалось вступить во владение имевшимися у них за границей средствами.

Однако воспользоваться русскими частными капиталами, оказавшимися за рубежом, сумели лишь немногие крупные эмигранты-предприниматели. В литературе уже отмечалось, что руководители обществ «стремились различными путями уходить из-под контроля своих акционеров, а само местонахождение правления скрывать»²³. В Национальном архиве Франции сохранился любопытный документ – рукописная черновая записка, написанная П. А. Бурьшкиным на французском языке в 1937–1938 г. и подтверждающая эту практику. В ней говорилось, что «теперь, после 17 лет прибытия эмигрантов за границу... значительные суммы русских обществ почти полностью улетучились». Всего, по данным П. А. Бурьшкина, в судебной практике Франции, Англии и США в разное время находилось около 600 дел по «русским обществам».

Вся их деятельность была «малоизвестна не только публике, но и даже заинтересованным лицам». Причина этого заключалась в том, что «тенденция давать как можно меньше внешних признаков их активности проявлялась даже в тех случаях, когда русские общества должны были доказать их право на продолжение деятельности за границей». Закон западных стран требовал в случае возбуждения судебного действия по делу обществ давать в прессе объявление о собрании акционеров. Однако для избежания ненужной огласки оно давалось в газете не той страны, где предполагалось предъявлять иск в суде. В результате «уведомление о созыве собрания акционеров, которое должно было состояться в Париже, публиковалось в лондонской “Таймс” и могло остаться полностью незамеченным».

От имени обществ в судах действовали администраторы (чаще всего бывшие русские предприниматели, получившее гражданство западных стран). Они выступали в качестве представителей учреждений, созданных специально для взыскания капитала общества и зарегистрированных в странах с либеральным банковским законодательством. Следствием этого стала парадоксальная ситуация. Во Франции находился реальный центр активности русских обществ, где продолжалось их «мнимое существование», собирались правления и советы, проживало значительное число акционеров. В то же время заведения, претендующие на их капиталы, располагались в «Швейцарии, Люксембурге, княжестве Лихтенштейн, даже в Монако, которые благодаря их соответствующему законодательству стали благоприятным местом для сохранения денег, которые кто-либо хотел спрятать от нескромных глаз»²⁴.

Уже к концу 1920-х гг. предприниматели-эмигранты, действительно являвшиеся обеспеченными людьми, представляли весьма узкий круг лиц. Примеры относительно удачного вписывания в деловую среду западных стран (например, А. И. Гукасов основал во Франции в 1924 г. общество по производству нефтеналивных судов, построившее в 1930–1950-е гг. 21 ко-

²³ Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом. М. 1999. С. 265–266.

²⁴ ANF. 8 AS\175. Paul Bouryckine. Les Sociétés Russes...

рабль) были весьма редки²⁵. Постепенно беднели даже располагавшие в начальный период эмиграции некоторыми средствами предприниматели, в частности «нефтяники». Так, в октябре 1927 г. агентура информационного отдела ОГПУ, следившая за проживавшими за границей бывшими русскими нефтепромышленниками, доносила, что «... положение этих “бедных миллионеров” поистине плачевное, так как многие из них нуждаются в сантимах, мечтая о миллионах»²⁶.

Таким образом, за границей после 1917 г. оказались отдельные частные капиталы, на распоряжение которыми могли претендовать относительно широкие слои крупных эмигрантов-предпринимателей. Однако лишь немногие, главным образом из числа администрации акционерных компаний, воспользовавшись неопределенностью юридического положения за рубежом, смогли увести остатки средств частных предприятий в тень, улучшив собственное материальное положение.

Список литературы:

1. *Борисов Ю. В.* Советско-французские отношения (1924–1945 гг.). М., 1964.
2. *Будницкий О. В.* Дипломаты и деньги. Статья вторая: Национальный фонд // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб, 2003. Вып. V.
3. *Будницкий О. В.* Дипломаты и деньги. Статья первая: «Колчаковское золото» // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб, 2002. Вып. IV.
4. *Епихин А. Ю., Мозохин А. Б.* ВЧК-ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921–1928). М., 2007.
5. *Соколов А. К.* Советский «Нефтесиндикат» на внутреннем и международных рынках в 1920-е гг. // Экономическая история. Обзорение. М., 2005. Вып. 10.
6. *Фурсенко А. А.* Нефтяные войны. Л., 1985.
7. *Шаццлло М. К.* Объединение Торгпром: лебединая песня российского торгово-промышленного представительства в эмиграции // Науч. ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. 2008. № 5 (45). Вып. 7.
8. *Шаццлло М. К.* Эмигрантские организации российских предпринимателей в Европе в 1920-е гг. // Вестник Тамб. ун-та. Сер.: «Гуманитарные науки». 2012. Вып. 8 (112).
9. *Volkman H.-E.* Die russische emigration in Deutschland 1919–1929. Wurzburg, 1966.

FATE OF RUSSIA'S LARGEST PRIVATE CAPITAL'S ABROAD IN 1920-EARLY 1930

M. K. Shatsillo

²⁵ А. И. Гукасов (23.11.1872-27.04.1969). Некролог // Возрождение. 1970. № 210.

²⁶ *Епихин А. Ю., Мозохин А. Б.* ВЧК-ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921–1928). М., 2007. С. 135.

Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History, Russian History
Research Center of the nineteenth century

The article deals with the status of private Russian capital, which found itself after 1917 out of Russia. There were several groups of commercial, industrial and financial companies with substantial resources abroad. The author analyzes the causes narrowing the range of persons entitled to dispose of the capital to the beginning of the 1930s.

Keywords: *Russian entrepreneurship, private capital, emigration.*

Об авторе:

ШАЦИЛЛО Михаил Корнельевич – Российская академия наук, Институт российской истории, Центр изучения истории России XIX века, кандидат исторических наук, e-mail: ivabers@list.ru

About the authors:

SHATSILLO Mikhail Kornel'evich – Candidate of Historical Sciences, введите должность (на англ. языке), Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History, Russian History Research Center of the nineteenth century (117036, Moscow Str. Dmitry Ulyanov, 19), e-mail: ivabers@list.ru

References

- Borisov Yu. V. Sovetsko-frantsuzskie otnosheniya (1924–1945 gg.). M., 1964.
- Budnitskii O. V. Diplomaty i den'gi. Stat'ya vtoraya: Natsional'nyi fond // Diaspora: Novye materialy. Parizh; SPb, 2003. Vyp. V.
- Budnitskii O. V. Diplomaty i den'gi. Stat'ya pervaya: «Kolchakovskoe zoloto» // Diaspora: Novye materialy. Parizh; SPb, 2002. Vyp. IV.
- Epikhin A. Yu., Mozokhin A. B. VChK-OGPU v bor'be s korruptsiei v gody novoi ekonomicheskoi politiki (1921–1928). M., 2007.
- Sokolov A. K. Sovetskii «Neftesindikatsiya» na vnutrennem i mezhduna-rodnykh rynkakh v 1920-e gg. // Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie. M., 2005. Vyp. 10.
- Fursenko A. A. Neftyanye voyny. L., 1985.
- Shatsillo M. K. Ob"edinenie Torgprom: lebedinaya pesnya rossiiskogo torgovo-promyshlennogo predstavitel'stva v emigratsii // Nauch. vedomosti BelGu. Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika. 2008. № 5 (45). Vyp. 7.
- Shatsillo M. K.. Emigrantskie organizatsii rossiiskikh predprinimatelei v Evrope v 1920-e gg. // Vestnik Tamb. un-ta. Ser.: «Gumanitarnye nauki». 2012. Vyp. 8 (112).

Статья поступила в редакцию 17.12.2012